

ЗАПИСКИ О ПОСЕЩЕНИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В 1840-1841 гг.¹
(отрывки)

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Английский богослов Уильям Палмер (1803-1885) больше всего известен у нас своей перепиской с видным философом-славянофилом А.С. Хомяковым. Точнее сказать, известен как адресат: на русском языке чаще издаются письма не Палмера, а Хомякова. Между тем роль в развитии русско-английских культурных связей Палмер сыграл немалую роль и заслуживает большего, чем сухие упоминания в комментариях научных трудов.

Диакон Уильям Палмер был представителем Оксфордского движения – течения, возникшего в Англиканской церкви в начале 1830-х гг. Странники этого течения ставили перед собой задачу добиться восстановления в Англии учения истинной Христовой церкви, восстановления Единой Святой Соборной (Кафолической) и Апостольской церкви путем объединения трех ее ветвей, трех апостольских церквей – католической, православной и англиканской, разделенных лишь внешними различиями.

Трактарианцы, как называют иногда сторонников Оксфордского движения, подготавливали это объединение не только путем теоретических обоснований. Были в его рядах и люди практической складки, вроде У. Палмера. В 1840 г., заручившись рекомендательным письмом президента оксфордского колледжа Святой Магдалины, он отправился в Россию в надежде способствовать делу объединения церквей на практике. Он привез с собой обширную библиотеку литературы по англиканской догматике, установил личные отношения со многими религиозными и политическими деятелями России того времени, побывал в Троице-Сергиевой лавре, Новоиерусалимском монастыре, Сергиевой пустыни под Петербургом. Впечатления от этих встреч и посещений он подробнейшим образом заносил в дневник, который в сокращенном виде был опубликован уже после его смерти его единомышленником кардиналом Дж. Г. Ньюменом под названием «Записки о посещении русской церкви в 1840–1842 годах».

Заметное место в его дневнике занимает описание событий, связанных с попытками Палмера добиться разрешения причащаться по православному обряду. Поскольку некоторые эпизоды этой истории изложены в переведенной части дневника, останавливаться на них я не стану. Следует лишь добавить, что все усилия Палмера получить это право успехом не увенчались.

С переводческой точки зрения текст «Записок» неожиданных трудностей, казалось бы, не представляет. На первый взгляд, задачи очевидные: умеренная стилизация, проверка реалий, и пр. Но в общении Палмера с русскими собеседниками есть одна особенность, которая сказывается на стратегии перевода диалогов. Многие русские знакомые Палмера – такие, как упомянутые в переводе обер-прокурор Синода граф Н.А. Протасов, А.Н. Муравьев, митрополит московский Филарет – оставили значительное литературное или эпистолярное наследие, по которому нетрудно воспроизвести их русский идиостиль – добиться того, чтобы в переводе они говорили и писал по-русски так, как говорили и писали в действительности (насколько можно судить о строе их устной речи по письмам). Но насколько это будет оправданно? Судя по дневнику, Палмер в большинстве случаев общался с русскими собеседниками не по-русски или по-английски, а на языке-посреднике (обычно французском), то есть на языке, который каждому из говорящих был чужим. Пожалуй, добиваться

¹ Перевод выполнен по: Notes of a Visit to the Russian Church in the Years 1840, 1841. By the Late William Palmer, M.A. Formerly Fellow Of Magdalen College, Oxford. Selected and Arranged by Cardinal Newman. London: Kegan Paul Trench & Co., 1882. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев – примечания переводчика).

полного жизнеподобия такого диалога в переводе не только не имеет смысла, но было бы просто ошибкой: естественность слога в переводе не будет соответствовать искусственности ситуации общения в действительности.

Таким образом, пришлось отказаться от соблазнительной возможности немного поактерствовать – переводя слова того или иного исторического персонажа, воспроизводить, насколько возможно, подлинный строй его русской речи с характерной для говорящего идиоматикой и стилистическими особенностями. Вместо этого стилистическим ориентиром стал более безликий речевой конструкт, отражающий, однако нормы и узус русской речи середины XIX в. Переводить приходилось так, как переводил бы переводчик того времени, не знающий, как говорил и писал Протасов, Муравьев, Филарет.

Разумеется, при таком подходе личность говорящего в речи проявляется, но выражается она не тем, *как* он говорит, а тем, *что* говорит (самый очевидный случай – речь Николая Александровича Протасова, гусарского полковника, который в силу обстоятельств, язвительно описанных Н.С. Лесковым в очерке «Борьба за преобладание», сделался обер-прокурором Синода. Если верить современникам, митрополит Филарет говорил о нем: «Его гусарские шпоры цепляются за мою рясу»).

Еще раз подчеркну, что это приведение идиостилей в переводе в общему стилистическому знаменателю было вызвано исключительно искусственностью коммуникативной ситуации.

Перевод опубликован в издающемся Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом «Филаретовском альманахе» (вып. 6, 2010).

В.К. Ланчиков

В воскресенье 25 августа <1840 г.> я вернулся в Петербург, а во вторник встретился с обер-прокурором графом Протасовым и вручил ему два рекомендательных письма. Он спросил, привез ли я еще письма и, узнав о послании доктора Раута², пожелал получить и его, ибо он представляет в Синоде Государя и притом в некотором роде слуга Синода, подобно великом логофету Греческой церкви, и его долг довести содержание писем до епископов (хотя епископы в числе членов Синода составляют большинство отнюдь не всегда). Он прочел письмо и, когда дошел до раздела, где выражается просьба допустить меня до причастия, воскликнул: «C'est bien fort!»³. Он сказал: «Ваш посланник в Петербурге писал мне, что вы желаете учить русский язык и сделаться членом Греческой церкви». «Это ошибка», – отвечал я и изъяснил свои намерения. «То, что вы говорите, для меня ново, – заметил он. – В рассуждении исхождения Святого Духа вы справедливо утверждаете, что греки пребывали в общении с латинянами и после оглашения латинского догмата, более того: совместное причастие не раз бывало даже после того, как Фотий анафемствовал латинян. Впрочем, я не богослов, я человек военный. И все же я порядком пообтерся среди духовенства и в таких предметах разбираюсь. Будь я епископ, я бы первым делом спросил о ваших догматах, о символе веры. Вот если бы вы к нам пришли лет тысячу или восемьсот назад, а то с тех пор на Западе сделалось такое разномыслие, появилось столько вопросов, какие у нас формальным порядком никто не ставил, что я принужден расспросить вас еще и добиваться соглашения». <...>

Потом он заговорил о семи таинствах. Он не согласился с выделением крещения и причащения как главных таинств, сказав: «Наша церковь такого различия не проводит,

² Раут, Мартин – президент оксфордского Колледжа Св. Магдалины, в котором состоял Палмер. Палмер советовался с Раутом накануне поездки в Россию и получил от него рекомендательное письмо к Николаю I.

³ Вот так так! (франц.)

для нас они все равны совершенно. Но, – прибавил он, – у вас тут есть священник, и еще один в Кронштадте. Согласны ли они с вами? А у жены моей есть бонна-англичанка, компаньонка, славная женщина. Надо будет спросить у нее, а то для меня все это ново. Если догматы англиканства и правда таковы, отчего вы не учите им людей? И отчего англичане здесь, если у них нет священника или пастора, идут куда угодно, особенно к кальвинистам – а ведь те Господа нашего и за Бога не признают? Для нас это все равно что молиться с магометанами».

«У нас, – продолжал он, – этот кальвинистский или протестантский дух тоже был, начиная с Платона». (В действительности – начиная с Феофана Прокоповича при Петре I). «Филарет (нынешний Московский Митрополит) тоже уклонялся было в эту сторону, а особенно покойный Михаил, Митрополит Киевский. Но сейчас это поправили, сейчас Православие дает отпор. Мы сказали Митрополиту Московскому, что если он хочет показать себя добрым христианином, выказать смирение, то должен при содействии своей братии пригласить и исправить кое-что в своем прошлом “Катехизисе”. Так он и сделал: исправил и добавил выпущенное» <...>

21 сентября <1840 г.>. <...> Был у г-на Муравьева. Он читает «Происхождение литургии» Палмера из Вустер-колледжа⁴: эту книгу одолжил ему митрополит Филарет, а митрополиту – мистер Блэкмор⁵. Муравьев обратил внимание на то место, где автор утверждает, что взывать к святым нет нужды, ибо они и без того за нас молятся, взываем мы к ним или нет. Он сказал: «Обычай церкви не отменить таким доводом, равно как и под тем предлогом, что даже величайшее благо можно обратить во зло». Он не согласен с автором, когда тот защищает королеву Елизавету, возводившую в сан епископов, и утверждает, что это англиканская церковь признала монарха своим главою, сказать же такое про русскую церковь – нелепейшая клевета. Он заметил, что согласие восточных патриархов испрашивалось по всей форме (то есть, после того, как было введено нынешнее коллегиальное управление русской церковью) и обычай этот соблюдал даже Петр Великий, который, как признал Муравьев, был “une volonte forte”⁶. В епископы поставляют не именем императора, но именем Христовым; император лишь указывает на одно из трех (двух) представленных ему на выбор лиц, в делах же духовных он слова не имеет. Муравьев отрицал, что император имеет власть смещать епископов либо переводить их в другую епархию, как о том пишет мистер Палмер (из Вустер-колледжа). Я заметил, что мы, англичане часто говорим об отношениях церкви и государства в России то же, что говорит сейчас он об отношениях церкви и государства в Англии, и оба мнения справедливы. Государство без сомнения вмешивается в дела церкви. С этим он не согласился. Он даже стал говорить о верховенстве английского парламента в делах церкви и прибавил: «Спора нет, есть и такие, кто думает, как вы – возможно, даже кое-кто из епископов (кстати, сколько у вас епископов и есть ли среди них люди одного с вами образа мысли?), но вы еще не вся англиканская церковь». Затем он снова заговорил о преобладании монарха и моем с этим

⁴ Имеется в виду книга преподобного У.Палмера “Origines Liturgiae, or Antiquities of the English Ritual, Dissertation on Primitive Liturgies”.

⁵ Блэкмор, Ричард – англиканский священник, проживавший в Кронштадте и состоявший на службе в английской Российской компании. Автор ряда переводов произведений русской богословской литературы на английский язык, в том числе проповедей Михаила, Митрополита Петербургского, проповедей Митрополита Филарета и его Катехизиса.

⁶ Человек весьма сильной воли (франц.)

несогласием и сказал: «Вот уж и вы не согласны. И такое не только в Англии, но и повсюду: люди мало-помалу *retener dans l'ordre, ce torrent du Protestantisme est passé.*⁷ Так и в России, – прибавил он. – Кто бы мог подумать, что придет день – и с раздорами Унии, злобной и зловредной, будет покончено одним росчерком пера».

Он посоветовал мне съездить в Сергиевскую <sic> пустынь, в 15 верстах (10 милях) по дороге на Стрельну. В ближайшую среду, 25 сентября, там будет местный праздник, и чтобы успеть к службе, приехать надо не позже десяти часов. «Погостите там неделю у архимандрита Брянчанинова», – прибавил он. Сам он тем временем намерен прочесть книгу моего однофамильца мистера Палмера «О церкви», которая, как он сказал, без сомнения даст ему более полное представление о положении и природе англиканской церкви, чем то, которое он составил о наших обрядах по «Происхождению литургии». «Самито вы, может, и признаете, что Святые Дары суть тело Христово, но многие ли с вами в этом согласны? – сказал он. – Ваша церковь учит не так, для нее они всего лишь символ». Я возразил и привел слова из Шотландской литургии: «Да сделается плотью и кровью Христовой» и т.д.

На другой день, в воскресенье, я привез г-ну Муравьеву английский и американский молитвословы и пообещал дать ему, когда из Англии придут мои книги, Шотландскую литургию, а также «Трактат о церкви» мистера Палмера. Последовал долгий разговор, содержание коего привожу вкратце.

1. Он не согласился с утверждением о том, что все существеннейшие догматы веры подкрепляются Писанием без обращения к преданию. Он полагает, что догмат о том, что таинств не более не менее как семь, идет от самого начала церкви.

2. Он сказал: «Церковь теперь не та, какую была поначалу. Тогда она была исполнена жизни и силы, отчего все оставалось неопределенным; теперь же все определено, размерено, расписано, и “перемежевывать” что-либо нам нельзя». Это выражение он повторил несколько раз. «Я знаю, в других странах – вон и у вас в Англии, особенно в Оксфорде – многие поддерживают весьма нестрогие принципы католического учения, но греко-кафолическая церковь в известном смысле не так хорошо подготовлена к вашим тонкостям и нововведениям, как латинская. У латинян средоточие власти – папа, этой власти подчиняются все. Ему легко договариваться, разъяснять, даже уступать. В греческой церкви не то: здесь и духовенство и миряне – народ неученый. Они слепо держатся своих обычаев и от обрядов не отступают ни на волос. Случись русским что-нибудь разъяснять и пр., воспоследует лишь то, они выйдут из общения с восточными патриархами». Все это он произнес, когда я упомянул принцип “*In necessariis unitas*”⁸ и пр.

3. «Но если избегать опрометчивости, – сказал я, – если приводить по каждому пункту доказательства из трудов Отцов Церкви, чтимых греческими патриархами, возможно, они прислушаются к голосу рассудка». Муравьев покачал головой: «Вы и представить не можете варварство и необразованность греческого духовенства, да и русское духовенство тоже изрядно невежественно. Кто хочет вступить в общение с восточной церковью должен принимать ее такой, какова она есть, ибо пойти ему навстречу она не в состоянии».

7 <Люди> остепеняются, это помешательство на протестантизме уже позади. (франц.)

⁸ *In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas* – В необходимом единение, в сомнительном свобода, во всем любовь (лат.). Выражение, которое часто ошибочно приписывается Блаженному Августину (настоящий автор – немецкий теолог XVII в. Руперт Мелдениус). Часто приводится как довод в защиту религиозной свободы.

4. Муравьев сказал: «Видите, что недавно учинили англичане на Ионических островах! Мало того, что они, где только можно, притесняют православных, они еще и низложили Константинопольского патриарха Григория! А ведь какой был славный человек! Вот как ваша английская церковь с нами обходится!»

5. Я сказал, что Турецкая империя не сегодня-завтра падет, и чем скорее, тем лучше, и Россию, как видно, само Провидение выбрало в этом деле своим орудием, на что Муравьев признался, что во время последней войны ему казалось, что Россия слишком уж щепетильничает при захвате земель.

6. Я сказал о злоупотреблении словом «католический» <Catholic> даже в официальных бумагах, написанных по-французски⁹, и Муравьев признал, что писавшие их не имеют полного или ясного представления о католичестве, какое им следовало бы иметь. «В богословии у нас не очень разбираются, даже духовенство. Но недавнее примирение униатов сослужит хорошую службу: теперь Восточная церковь будет не так упорствовать в мелочах. Оставили же униатам некоторые обряды и обычаи: холостое состояние священников, брадобритие епископов и пр. и пр. Сказать по правде, у латинян есть немало хорошего, и нам стоило бы кое-чему поучиться – особенно, понятию о единстве католической церкви и рвению, с каким они стремятся ее распространять».

7. «От униатов требовали только принять Символ Веры Греческой церкви», – сказал Муравьев. Он заметил, что никто не требовал, чтобы они отреклись от латинского догмата об Исхождении Святого Духа – достаточно было принять Символ Веры в его истинном виде. «Но по решению Флорентийского Собора, – возразил я, – латинское выражение должно было стоять в низу страницы». «Какие оговорки делали во Флоренции не суть важно, – ответил он. – На Соборе в Бресте Литовском Папа сначала предоставил им принять греческий Символ Веры без подобных оговорок, он настаивал только на признании своего верховенства».

8. Он спросил, что подвинуло меня приехать в Россию. Послан ли я кем-то? Приехал ли по чему-то распоряжению? Собираюсь ли отправиться на Восток? Если так, то я сам увижу, в каком ничтожестве обретается там духовенство. Чем больше расцветает Восточная церковь в России, тем больше, кажется, чахнет и приходит в упадок она на Востоке.

9. Как пример сказанного он поведал, как однажды попросил Патриарха Константинопольского растолковать, в чем именно заключается ересь армян, ибо для него это была слишком тонкая материя. «Ведь они как будто ничем не отличаются от нас, – сказал Муравьев. – А теперь, когда Эчмиадзин отошел к России, можно было бы подумать и о соединении, потому что евтихианской ереси они нимало не привержены. Но стоит нам с ними сойтись, греки поднимут крик, что мы заключили союз с еретиками. Спросил я патриарха, а он отвечает: «Не спрашивай, сын мой! Знай только, что ересь армян заключает в себе все самые пагубные и гнусные ереси на свете».

10. Рассказывая о ничтожестве, в каком пребывает греческое духовенство, он сказал: «Угадайте, сколько православных в трех епархиях – Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской. Более ста тысяч!». Из них, помнится, десять тысяч в Александрийской,

⁹ Для более ясного понимания этого и подобных мест необходимо иметь в виду, что Палмер общался с русскими собеседниками преимущественно на французском языке и, возможно, на латыни. Французскому слову *catholique* (как и английскому *catholic*) в русском языке соответствуют слова «католический» и «кафолический», а слову *orthodoxe* (англ. *orthodox*) – понятия «православный» и «истинный, правильный, ортодоксальный».

двадцать пять в Иерусалимской, а остальные шестьдесят пять тысяч – в Антиохийской. В Константинопольском же патриархате десять миллионов.

11. Он не раз повторял: «Совместное причастие людей разных исповеданий, какого вы добиваетесь – дело немислимое. Если русские священники и допустят вас к причастию, англиканцы поднимут крик, что вы приняли обряды Греческой церкви – вот как греки напустились бы на русских, если бы мы примирились с армянами. Вы придумали необычный способ уладить дело. Вы видите, что можно отнести к предрассудкам, и хотите привести стороны к согласию путем разъяснений. Вы видите, что одни предметы не стоят внимания, о других можно договориться, третьи в чем-то истинны, в чем-то ложны. Но спорщики с обеих сторон этого не видят. Вы что же, – добавил он со смехом, – станете мне говорить, что ваш приятель, священник из Кронштадта или этот, здешний, с вами согласятся? Ни за что: это, без сомнения, англиканцы старого пошиба».

12. Что касается Исхождения Святого Духа, то, несмотря на то, что он говорил о воссоединении с униатами, и на его признание, что во время разделения совместное причастие совершалось не раз, он утверждал, что причиной всему невнимательность и что греки объявили догмат латинян ересью, а самих латинян анафемствовали как еретиков. «В таком случае, – возразил я, – вы непоследовательны, ибо тогда нельзя уже, как вы, говорить о Восточной и Западной церквях и о том, что из-за этого разделения невозможно созвать Вселенский Собор. Ведь если латиняне еретики, то принадлежащие к вашему исповеданию и есть вся вселенская <Catholic> церковь и вам надо называться уже не Восточной, а католической <Catholic> церковью».

13. Он сказал об одном русском священнике, пребывающем за границей, что тот сущий протестант. «Прямо беда, – сказал он. – Они по невежеству часто лишь то о своей вере и знают, что она национальная, а как очутятся вдали от родины, среди протестантов, так и норовят подражать благородным господам, тамошним священникам, пасторам: бреют бороды (это, впрочем, им дозволяется), носят мирское платье. Чем подражать иностранцам, лучше бы показывали больше приверженности к своим обычаям, тем паче к правилам и своеобразию русской религии». Чуть раньше он сказал, что «вся беда от понятия национальной религии».

14. Он сказал, что русские и греческие миссионеры уступают западным, но обещал познакомить со священником-миссионером по фамилии Веняминов, который на Алеутских островах окрестил две тысячи человек.

15. Он говорил о патриархе Никоне, о коем отозвался с восхищением и сравнил с Фомой Беккетом, Хинкмаром Реймским и другими подвижниками Запада. Подобно им Никон настаивал на верховенстве церкви и одно время даже добился своего. Однако Муравьев утверждал, что никаких великих истин Никон не проповедовал, как хотелось бы думать мне.

27 ноября <1840 г.> в половине восьмого вечера граф Протасов привез меня к Митрополиту Московскому Филарету. Тот, обратясь ко мне по латыни, сказал: «Мы весьма рады вас видеть и узнать, что ваша церковь расположена к единению и почитает древность». Затем он расспросил меня об англиканской литургии и прибавил: «Все литургии наши идут от древности, но латинская церковь во многом изменила литургию к худшему, кроме прочего, удалив из нее Призывание Святого Духа; Восточная же наша церковь чтит Апостольские постановления и держится причастия по примеру Господа нашего – тем же

хлебом (квасным, *άρτος* а не *άρυμος*) и с верою в единосущность его. Я отвечал: «В этом мы с Восточной церковью едины». *Митрополит*: «Рад слышать, что вы теперь чтите древность». *Ответ*: «Наша церковь всегда была привержена обычаям древности и в 1571 году предписала всем своим священникам, кроме Тридцати девяти статей вероисповедания, следовать Канону, который велит им “ut ne quid unquam pro concione doceant, quod a populo religiose teneri et credi velint, &c”¹⁰ проповедовать лишь то учение, какое содержится в Писании и какое Отцы Вселенской Церкви и древние епископы почерпнули из него же». Митрополит и Протасов заметили: «Хороший канон».

«Кроме того, – продолжал я, – в двух из трех приятых у нас литургий мы восстановили Приношение Даров и Призывание Духа Святого после произнесения слов Господних». Митрополит спросил о происхождении наших литургий, и я ответил, что по большей части они восходят к литургии римской. *Граф Протасов*: «Стало быть, до Реформации у вас была римская литургия?» *Ответ*: «Да, с норманнских времен, а также во времена англосаксов наша литургия во многом следовала образцу римской, но ранее, до конца шестого столетия, у британских церквей были свои литургии, так же, как у церквей галльской и испанской». «Однако, – сказал он, – теперь вы кое-то из прежней своей литургии выпустили. Допускает ли ваша церковь поминовение усопших?» *Ответ*: «Да, из литургии оно и правда выпущено (как внешний обряд), но не возбраняется и не осуждается. Два года назад по этому вопросу было вынесено и судебное решение (дело Вулфри¹¹). (*Граф*: «Это прямое доказательство»). Поминовение, которое прежде входило в обряд, было выпущено, потому что в народе его связывали с учением о Чистилище». *Граф*: «Если что-то доброе обращают во зло, это не повод от него отказываться». Митрополит и граф сказали: «Похоже, народная свобода у вас в Англии не слишком споспешествует смирению и благочинию». «Так, стало быть, – отвечал я, – это дьявольская свобода, и политические злоумышления проистекают от бунта религиозного. Тот, кто восстал мятежом на своего Господа, не усомнится восстать на избранного Его волей монарха». Митрополит и граф улыбнулись и спросили: «Многие ли в Англии думают так же, как вы?»

Граф пожелал узнать, по какой причине я хочу, чтобы меня допустили к причастию. Я отвечал так: «В Символе Веры мы объявляем, что церковь едина и верим в единство церкви». *Митрополит*: «Должна быть единой, но не едина». Я продолжал: «Существующее разделение богопротивно и отвратительно. *Митрополит*: «Слов нет, к единству стремиться должно». *Граф*: «Многие ли в Англии держатся таких же взглядов, что и вы?» *Ответ*: «Большинство об этом вовсе не задумывается; разделение, существующее *de facto*, принимается как своего рода необходимость, однако формальное учение нашей церкви и убеждения известнейших наших богословов иные». «Так ли это?» – спросили они. *Ответ*: «Наша церковь никогда не отлучала греческие церкви и латинские церкви на континенте. Мы отлучили лишь латинян в Англии, Ирландии, Греции и в России как *схизматиков*». «Этого я никак понять не могу, – сказал Митрополит. – Они одной веры с латинянами на континенте. Общение основано на единстве веры. Раз они признаются достойными обще-

¹⁰ «Чтобы никогда в собрании не учили ничему из того, что от народа благочестиво удержанным и уверенным желали бы...» (лат.).

¹¹ В 1838 г. вдова Вулфри распорядилась высечь на надгробном камне своего супруга надпись «Молитесь за душу Джона Вулфри». Местный викарий привлек ее к суду, однако судья отказался рассматривать дело на том основании, что хотя в молитвеннике 1552 г. и последующих англиканских молитвенниках поминовение усопших осуждается, этот обычай существовал в древней церкви и прямого его запрещения в молитвенниках не содержится.

ния за рубежом, то такими же должны признаваться и на родине, если же на родине они отлучены, то подлежат отлучению и повсюду». Я отвечал: «Да, если бы они были еретиками. Однако в Англии мы отлучаем их не как еретиков, но как схизматиков. У нас мирянин может принимать все заблуждения папистов как богословские мнения, но хотя наша церковь их и порицает, он не будет отлучен, если не учинит прямой мятеж». *Митрополит*: «Он не может, или, без сомнения, не должен иметь такой свободы, ибо для общения потребно полное единство веры». «Безусловно, может, – отвечал я. – Но такое едва ли и возможно, ибо если бы он разделял все заблуждения римлян, то вместе с ними и мысль о необходимости пребывать в общении с Римом. Ваше Преосвященство, разумеется, правы в том, что полное единство веры – неперемное условия для общения. Но вот вопрос – в чем эта единая Вера состоит. Наша церковь делает больше различие между этой Верой, которую всякий должен хранить в чистоте и нерушимости, и второстепенными богословскими мнениями, каковые, если они справедливы, не относятся к существенным догматам, а если ложны, не относятся к ересям. Мы считаем это основой нашего учения и веры».

Митрополит отвечал: «Этого я не понимаю. В вопросах веры церковь должна быть едина совершенно. В мире сейчас несколько отдельных исповеданий, каждое само по себе. Остается лишь установить, какое из них истинное или самое истинное».

Я отвечал: «Права наша церковь, нет ли, но различие это она проводит. Мы никогда не обвиняли папистов в прямой ереси. Помимо существенных догматов нам надлежит оценивать не столько сходство мнений, сколько законность того или иного алтаря либо престола, дабы узнавать истинную церковь в любой части света и образовать церковь единую». *Митрополит*: «Я отрицаю это разделение на существенные догматы и второстепенные мнения. Я полагаю, что оно противно духу учения всех отцов». Граф заметил: «При таких убеждениях вы, верно, универсалист: сколько раз переезжаете в другую страну, столько раз и религию меняете. Притом же, кто станет решать, что существенно, а что несущественно? Это задача нелегкая, воспоследуют бесконечное разномыслие и сумбур». Я отвечал: «Ни одна церковь не отрицала это различие, которое вы отвергаете, и я не могу его не проводить», вслед за чем привел примеры.

Наконец Митрополит согласился, что различие существует, но заметил, что есть множество предметов столь значительных, столь тесно связанных с догматами и от догматов, в сущности, неотделимых, что признание их несовместимо с единством исповедания, веры или церкви. Граф повторил: «Вы какой-то универсалист: признаете и латинских святых и греческих». «Конечно, признаю», – ответил я, Митрополит же сказал, что к тому же склонялся и Флорентийский собор.

Тут граф впервые попросил меня изложить Митрополиту наше понимание видимой церкви, хотя прежде я косвенным образом о том говорил. Я ответил так: «Единая видимая вселенская церковь, истинная восприемница и последовательница церкви, основанной в Иерусалиме в день Пятидесятницы, в настоящее время разделена на три части, в существенных вопросах веры между собой согласные, а именно: на Православную Восточную Церковь и Церковь Западную, которая, в свою очередь, разделяется на континентальную и британскую. Каждая из них в своей епархии располагает собственными законными полномочиями. Если же при имеющихся меж ними разногласиях *de facto* епископ всякой из них предпримет привлечь христиан, принадлежащих к двум другим, и составить из них конгрегацию, согласную с его образом мысли, тем самым превращая спорные вопросы в

существенные вопросы веры, то такие новые конгрегации мы объявляем схизматическими».

Митрополит сказал: «Так вы признаете и Восточную, и латинскую, и британскую церкви вместе?» «Да, – отвечал я. – Каждую в своей епархии и в своей земле и никак иначе». Митрополит повторил: «Этого я понять не могу» и прибавил: «Да многие ли из вас поддерживают эту теорию? Я полагаю, это никак не может быть общим мнением».

«Милостивейший государь митрополит <sic>, – отвечал я, – это не теория, но определение церкви видимой, которое отражено в наших молитвах и официальных постановлениях нашей церкви и подкреплено общим свидетельством наших богословов». «Это предметы, о которых надлежит судить какому-нибудь будущему собору или соборам, – отвечали граф и Митрополит. – Частные лица делать о них заключения не могут». «Ваши речи, – сказал Митрополит, – были бы хороши в четвертом столетии, но к нынешнему состоянию человечества не подходят. Желать единения достойно и похвально, будем уповать на то, что когда-нибудь эти чувства сделаются общими и облеченные властью, представляющие каждую из сторон, сделают необходимые шаги. Но при нынешнем положении вещей считаться в первую голову с частными мнениями и принимать их за истину нельзя. Во всяком случае, разделение сейчас существует».

Я сказал то, что говорил прежде: «И все же мне непонятно, как можно освободить человека от обязанности исполнить долг перед церковью той земли, в которой он пребывает, или как можно лишить его права приобщиться к таинству». Митрополит отвечал: «В случае нужды эта просьба может быть рассмотрена, но с вами не так: у нас есть английская церковь, вы можете пойти туда». «Я не признаю никакой английской церкви в вашей епархии, – сказал я. – Двух полноправных церквей в одной земле быть не может». «Но здесь есть ваша церковь, и господин Лоу подчиняется же какому-то епископу – Лондонскому, кажется», – возразил Митрополит. Я отвечал: «Здесь, в Москве англичане ни одному нашему епископу не подчиняются. У них есть священник, ему платят и он отвечает перед ними – перед Российской компанией, то есть». Это немало его удивило. «Когда так, – сказал он, – если вы видите вещи правильно, вашим епископам следует лучше наставлять своих людей, учить, чтобы они искали с нами союза, ходили в нашу церковь». «Но они не могут ходить в вашу церковь, раз вы их не допускаете, – возразил я. – Если же англичанин, пребывая за границей, обратится за советом касательно причащения к своему епископу...» «Ну? Что же тот ответит?», – спросил граф. «Он, – сказал я, – ответит в таком смысле: “Если хочешь, попробуй: намерение твое доброе. Тебя, без сомнения, не допустят, но попробовать не мешает”». «Неужто так и ответит?» – перебил граф. «Ничего другого им не остается, – сказал я, – ибо учение нашей церкви хорошо известно. Я сам обращался с этим к главе нашего колледжа, человеку из числа ныне здравствующих богословов не последнему, и тот от души дал мне совет сделать такую попытку и снабдил меня письмом на этот случай».

«Так стало быть, ваши англичане, которые приезжают к нам без письма от своего епископа, схизматики?» – спросил граф. «Не то чтобы схизматики, – отвечал я, – но порядок именно таков». «Отчего же вы таких писем не привезли?» «Я, как уже сказал, привез письмо от главы своего колледжа, – отвечал я, – и хотел привезти письмо по всей форме от Архиепископа Кентерберийского, но тот рассудил, что письма от президента колледжа будет достаточно и в еще одной подписи нет нужды, а равно и в каком-то другом отдельном свидетельстве. Архиепископу были известны мои намерения, и неодобрения он не высказывал».

Граф Протасов рассмеялся и, обернувшись к Митрополиту, сказал: «Ага! Ils ne voulaient pas se compromettre¹²». Я сказал: «Они опасались, как бы письмо по всей форме не придало моей поездке вид официальной миссии, тем более, что я взял с собой отпечатанную диссертацию о Тридцати девяти статьях английской церкви. Это мой собственный труд, и они не хотели, чтобы кто-то подумал, будто это с их одобрения. Они сказали, что мне будет достаточно письма от моего духовного наставника». Граф вновь рассмеялся и сказал: «Так ведь он всего-навсего священник вроде архимандрита, его письмо никакой цены не имеет. Лучше бы вы заручились еще и подписью епископа». «Что ж, – отвечал я, – если вы скажете, что рассмотрите мое прошение о причастии, лишь когда я представлю письма от епископа, я без промедления их попрошу. Перед отъездом отказа в них я не получал. Скажу больше: священник при архиепископе предупреждал меня, чтобы я не говорил, будто мне в них отказали».

На этом разговор окончился. Архиепископ <sic> Филарет повторил сказанное вначале, когда граф меня представлял: «Мы весьма рады видеть вас в России и надеемся, что от этого семени изойдет благое». Засим я откланялся, а граф и Митрополит остались.

20 января <1841 г.> В семь часов вечера был с г-ном Муравьевым у Митрополита Московского. Тот сказал: «Сколь счастлива церковь, сохранившая в неприкосновенности литургии Св. Василия Великого и Св. Иоанна Златоустого! Какого вы о них мнения? Ваша церковь с этими Тридцатью девятью статьями не смогла принять целиком ни одну ни другую». Я уже передал ему Тридцать девять статей на латыни в издании Уэлшмана, и он их сейчас читает и неодобрительно отзывается о каждом пункте.

«Я прочел предисловие на латыни, – сказал он, – и полагаю, что оно более ортодоксально и согласно с духом Восточной Церкви, чем сами статьи, о которых в нем рассуждается. В них немало заблуждений, которые мы принять не можем». Я отвечал: «Наша церковь вне всякого сомнения имела намерение составить статьи так, чтобы их понимали и трактовали и в католическом <Catholic> смысле и в духе истинной веры <orthodox>, ибо тот же самый Синод, который принял эти статьи и обязал своих священнослужителей их признавать, обязал их также признавать следующий канон: “Священникам надлежит заботиться о том, чтобы в проповедях их, принимаемым как слово веры, не было ничего, кроме того, что согласно с книгами Священного Писания Ветхого и Нового Завета, и того, что Отцы Вселенской Церкви и древние епископы из них черпнули”».

Митрополит и г-н Муравьев рассмеялись, и Митрополит заметил: «Одно могу сказать: этот их канон лучше, нежели их статьи, и его следует печатать вместе со статьями. Достижение единства – благая цель, однако при таких препятствиях на пути достичь ее весьма затруднительно».

Он также сказал: «Вы отменный защитник неправого дела». И еще: «Дивлюсь я, что у вас на Западе все так поглощены спорами о своем, что оставляют без внимания наисущественнейший вопрос, из-за которого и произошло разделение на Западную и Восточную Церкви – вопрос об исхождении Святого Духа. На этот счет свидетельства Отцов Церкви недвусмысленны».

Г-н Муравьев предложил мне изложить просьбу о допущении к причастию в письме к Митрополиту, однако тот сказал: «Частному лицу церковь уступки делать не мо-

¹² Он не хотел себя компрометировать (фр.)

жет. Ни один человек не допускается до причастия кроме как после безоговорочного признания всех учений и правил церкви».

Сегодня, *21 марта <1841 г.>*, прежде чем я занемог, мы с г-ном Муравьевым побывали у Митрополита Московского, и я передал ему свое письмо, где упоминалось послание доктора Раута, которое, как я понял, было представлено в Синод. Поскольку ответа на изложенную в нем просьбу о допущении к причастию я не получил и теперь отправлялся в епархию Митрополита, а он как член Синода был с посланием доктора Раута знаком, я посчитал должным представить эту просьбу ему лично.

Митрополит сказал, что ответит мне письменно, однако прибавил, что существо ответа мне, должно быть, уже ясно из прошлых наших собеседований. Г-н Муравьев подтвердил эти слова и сказал, что Восточная и Западная Церкви пребывают в разделении, что предпринимать меры к воссоединению властен лишь Синод, что разобраться, в чем состоит наше учение, невозможно, что одни, может быть, и мыслят как я, но другие – иначе. Что если мои утверждения примут без доказательств и невзирая на говорящие против меня свидетельства, но приняв в рассуждение письмо не более как от священника или архимандрита, то ввиду многовекового разделения церквей это произведет возмущение с обеих сторон. Что от меня отрекутся как от вероотступника, изменившего протестантскому учению, а их всякий приверженец Русской Церкви посчитает изменившими учению Православному. Что если Митрополит своею епископской властью допустит меня до причастия, ему придется оправдывать свой поступок перед Синодом, не имея других доводов, кроме как мои слова.

Сам же Митрополит, который тем временем прочел большую часть моего письма, сказал, что это без сомнения так и что весьма достойно примечания, что церкви наши не разорвали открыто отношения, но в рассуждении друг друга безмолвствуют. Однако же, прибавил он, принятые правила позволяют допускать к причастию лишь того, кто признает без изъятия все, что относится до веры, а также благочиния и обрядов, ибо здесь поступают, памятуя о разделении церквей, и переменить что-либо не в его власти, поэтому остается лишь передать дело в Синод.

Четверг, 20 мая <1841 г.>. Получил от г-на Муравьева письменный ответ Митрополита Московского на мое письмо. Ответ был в том смысле, что всякий желающий быть допущенным епархиальным епископом до причастия должен целиком и полностью признавать догматы, правила и обряды Православной (Восточной) Церкви. Вступать же в союзы или идти на примирение, делая хотя бы и самонаименьшие уступки или послабления, епархиальный епископ не в праве, это дело Синода. Тогда же Митрополит возвратил мне Тридцать девять статей на латыни. Уголки страниц, где напечатаны статьи XIX, XXI XXII, были аккуратно загнуты.¹³

¹³ Приводим тексты упомянутых статей:

«19. О Церкви. Видимая Церковь Христова есть собрание верных, в котором проповедуется чистое слово Божие и должным образом совершаются таинства, в соответствии с указаниями Христа. Как заблуждались Церкви Иерусалимская, Александрийская и Антиохийская, так заблуждалась и Римская церковь, причём не только в религиозной жизни и исполнении обрядов, но и в вопросах веры.

21. Об авторитете Вселенских соборов. Вселенские соборы не могут быть созваны без указания и воли правителей. Будучи созваны, эти соборы, являясь собранием людей, не всегда водимых Духом и словом Божиим, могут ошибаться и иногда ошибались, даже в вопросах о Боге. Поэтому их постановления, как необ-

<После 13 июля 1841 г.> Митрополит Филарет, чем имя и приверженность учению о самодостаточности Священного Писания занимают заметное место в записках доктора Пинкертона¹⁴, прибыл из Троицы в Москву. В прошлое воскресенье, едва вернувшись из весьма примечательного монастыря в Новом Иерусалиме, я сделал ему прощальный визит. В начале разговора я попенял на двусмысленность его официального ответа на мое прошение о причастии, где он пишет о Православной Церкви, разумея церковь Восточную. Об этом мы говорили долго, и мне показалось, что он при этом смешивает часть и целое. Поэтому, оставив этот предмет, я спросил его о чуде, случающемся в Иерусалиме каждый год – о священном огне, который, как рассказывают, сходит на Гроб Господень в Великую Субботу. Каково общепринятое мнение Церкви на сей счет? Несколько раз в России – за день до того в Новом Иерусалиме – я слышал, как об этом говорили как о событии, по общему мнению, истинном, тогда как франки, да и большинство тех, кто говорит и пишет об этом на Западе, считают его постыднейшим и злоумышленнейшим мошенничеством.

Митрополит отвечал: «Я знаю, что латиняне не дают этому веры. Одно можно сказать наверное: если это и мошенничество, то неопасное, ибо совершается не прилюдно, без свидетелей. О нем свидетельствует лишь бывший в Часовне Гроба Господня архиепископ. С другой стороны, если это мошенничество, то вина лежит на архиепископе, но трудно вообразить, что множество сменявших друг друга высоких иерархов вступили в заговор с тем, чтобы поддержать обман».

Я заметил, что событие это бесспорно либо несомненнейший знак благодати Господней, которой сподобилась греческая община, либо дерзкое и кощунственное злоумышление. Я прибавил, что оно, увы, может оказаться не первым случаем мнимого чуда. Митрополит ответил, что устроить мнимое превращение во влагу крови Святого Януария куда проще. Кажется, по его мнению, чудо со священным огнем, если принять в рассуждение его природу и предназначение, достойно вероятия много больше. Притом же кровь Святого Януария обращается во влагу отнюдь не всегда¹⁵. «Скажу одно, – отвечал Митрополит. – Несколько лето тому назад один россиянин, человек простой и бесхитростный, описывал мне увиденное во время путешествия по святым местам, и, среди прочего, рассказал, что когда архиепископ пребывал в Часовне Гроба Господня и свершалось это чудо, он увидел, как две свечи снаружи Часовни загорелись сами собою».

Это была моя прощальная беседа с Митрополитом Филаретом, каковая имела место в воскресенье, 13 июня.

ходимые для спасения, не имеют ни силы, ни авторитета, пока не будут подтверждены Священным Писанием.

22. О Чистилище. Римское учение о Чистилище, индульгенциях, почитании образов и реликвий, а также о призывании святых есть праздный вымысел, не основанный на свидетельстве Писания и даже противоречащий слову Божию».

¹⁴ Пинкертон, Роберт – агент Библейского общества, автор книги «Россия. Разнообразные мысли о нынешнем и будущем состоянии страны и ее жителей» (1833), где, в частности, описывает свои встречи с Митрополитом Филаретом. Относительно учения о самодостаточности Священного Писания Пинкертон цитирует труд Филарета «Изложение разности между Восточною и Западною Церковию в учении веры».

¹⁵ Если обращение крови во влагу происходит не властью священника, имеющего попечение над этой реликвией, значит, причиной здесь участие силы свыше, естественной или сверхъестественной. (Прим. У. Палмера).

